

н. тун

РЕВОЛЮЦИОННЫХ ДВИЖЕНИЙ В РОССИИ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ПЕТЕРВУГГ Ж 1920

9471X T84 n(s.n)

А. Тунъ.

Учебный фонд

ИСТОРІЯ

PEROMOLIOHIBAD ARMEHIK

въ Россіи.

Переводъ Веры Засуличъ, Д. Кольцова и др.

Съ воспоминаніями объ А. Тунѣ Л. Дейча, предисловіемъ Г. Плеханова, статьями: "Восьмидесятые годы" Д. Кольцова, "О социальной демскратіи въ Россіи" Г. Плеханова и примѣчаніями П. Лаврова.

ВТОРОЕ ИЗДАНЦЕ.

16-40 тысячи.

Байнотека Учебных Пособия Е. Мони. Унив. пр. Пособия Пивемтров № 2642

The second second

государственное издательство

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ БИБ-НА
Партийных курсов
Ленинграженого Обнома и горнома вкл(6)
Инв. № 35174.

0 соціальной демократіи въ Россіи.

Письмо къ польскимъ издателямъ "Исторіи революціонныхъ движеній въ Россіи" А. Туна.

Товарищи!

Вы сделали ний лестное предложение изложить вы особой дополнительной главы вы внигы Тупа взляды и стремления руссимы социаль-демогратовы. Я очень рады сделать это, такы какы считаю, что намы давно уже пора объесниться сы паниели больтыми, польскими социалистами.

Но мы не представляемъ собою революціонной секты съ програмной, выроснией изъ какого-вибуль особаго утошическаго привципа. Паши пынівшийе взгады и стремлеція представляють собою органическій продукть поторіа русскаго революціоннаго движенія. Воть почему я должень въ своемъ очеркі отвести значительное мосто опбакть этой исторіи.

Впроченъ не нугайтесь: ной историческія восполинація не пойдуть дальше сенидсеятыхъ годовь, къ которынь пріурочивается массовое революціонное движеніе такъ пазываемой у насъ вителлитенців.

Въ началъ этого замъчательнаго десятилътія въ нашей революціонной среть преобладали для направленія: одно наъ пиль связывается съ именель И. J. Jacposa, другое съ именемъ покойнаго М. А. Бакунина. Судьба этихъ двухъ паправленіі била далеко по одинакова!

П. Л. Лавровъ песомићнио достопиъ всякаго уваженія, какъ человѣкъ, связавній съ революціоннымъ дѣломъ всё свои симпатіи и автинатіи, посвяпввий сму всё свои обнирния, разностороннія знанія. По онъ быль и нассетда
останется знаемникомъ Въ его міросозерцавні всегда уживалноє самме разпородные, даже пряно противорфиньме элененты. Это замѣчала и не разъ указывала еще редакція «Сооременника». Чернымневскій зло подсибивался падъ оплосочення произведеніями Петра Лавровича; Антоновичь подвергаль ихъ рѣзкой
критикъ. До конца шестидесятымъ годовъ пикому и въ голову не пряходило
видѣть въ впинклопедически образованномъ подкорникъ дѣйствительнаго или
кота би только возможнаго вождя «молодого поколѣпія». Появленіе «Испорыческих» Инсельъ значительно памѣнило дѣло. Опи пиѣън почти такой же

успахъ, какъ самма значителлимя сочиненія автора «Что бълоть?». П. Л. Лавровъ пріобрать огромную популарность. Наша передовая молодежь ст удовольствіся, не чуждимъ удивленія, увидала ть пемъ революціопера. И когда, по прошествін въсколькихъ датъ, овъ, бълавъ изъ семлен заграницу, приступиль къ издалію періодическаго пязанія «Впереса», у него между молодими револютіоперами было не мало вършыхъ дружей и горячихъ посладователей.

Въ литературномъ отношении «Историческия Письма» совершение чужды круппыхь достоинствъ. Даже болье; очень замътныя въ нихъ усилія автора отаблаться отъ свойственной ему сухости, тяжеловъсности и пеуклюжести издоженія производять тяжелое впечатлівніе чего-то совершевно неестественнаго: точно слонь старается протанцевать на канать. Что же касается соделжанія, то я уже сказаль, что П. Л. Лавровь-эклектикь. Въ его историческихь взглядахъ, какъ въ земной коръ при вертикальномъ ен разръзъ, замъчается цълый рядъ постепенно сбразовавнихся паслосий. На няхъ оставила свой непзгладимый слёдь каждая изъ сколько-нибудь значительныхъ фидософскихъ ньколь, смінявшихь одна другую въ процессь умственнаго развитія запалной Европы. Панболъе сильное влінніе имъли на нихъ, сопте de raison, въмецкіе философы до Брупа Бауера и Макса Штириера включительно. Въ качествъ добросовъстнаго читателя И. Л. Лавровъ ознакомился со встин сколько-инбуль выдающимися мыслителями Германіи: въ качестві эклектика онъ не согласияся вполир ни ср одинир изр пихр, но зато ни одного изр нихр ирликомр не отвергиуль. У каждаго нашель онь частицу истипы и заботливо перенесь ее въ нестрое зданіе своихъ собственныхъ взглядовъ. Но странное дело! Въ приготовленной такимъ образомъ механической смъси частицъ различныхъ системъ каждая отдёльная частина занимаеть тёмь больше мыспа, чёмь неньше ивиносии имбеть философія исторіи того ныслителя, у котораго она взята. Этоть законь обращной пропорціональности господствуеть въ «Исторических» Письжаль» съ неумолимостью закона природы. Такъ, напримъръ, Шеллингъ и Гегель совству стушевываются, между тъмъ какъ Кантъ не перестаетъ смущать автора своимъ ученісмъ о вении въ себь (Ding an sich), а Бруно Бауеръ совершенно яественнымъ шопотомъ подсказываетъ сму свою, какъ любятъ выражаться у нась, формулу исторін. Эта формула очень проста. У П. Л. Лаврова она принимаеть такой виль: сущиость исторического процесса заключается въ переработив культуры притически-мыслящими личностями. У Брупо Бауера «культура» посила название «Wirklichkeit» или «das Positive», а «критическая мысль» пазыралась «Kritischer Geist» или «Selbstbewnsstsein». Но это инчтожное различіє въ терминологін писколько не измітияеть діла.

ВЗГІЯДЫ братьеть Бауеровъ были реакціей противът гегелевскаго идеализма. Капъ ви законна была эта реакція, она осталась грайне воверхностной и легкотелной. Развитіе «самосознанія» служило братьямь Буерамъ ключомъ къ объясненію всей исторія. Совершенно упуская изъ виду, что это развитіе само мло испаблямымъ слідіствіемъ причинь не зависвинихъ оть воли людей и дежавшихъ вит области «самосознанія», Бауеры становились въ оплосооів всторіи на точку зуйвий несравненно болбе плеалистическую, чтыт была точка арфий абсолотнаго вдеалиста Гегеля, который уже прекраспо попималь и очень хороню выясциль, что развитіе челов'яческаго самосознанія имфеть свои грубскій причины, отъ самосознанія по зависний.

Намъ нътъ надобности разематривать здъсь, почему радикальная реакция модине войская фина жа жуковон жуковон си піпемов жа вобила веромвостного плеализма. Достоточно сказоть, что томь дью очень скоро приняло-ADVIOR OCODOTA. Yme Ba choeff murb able heilige Familie oder Kritik der Kritischen Kritik. Маркев и Энгельсь показали полиую несостоятельность Бауевовежихъ взгляловъ. Къ концу сороковихъ головъ основныя положения новаго фіалектического матеріализма были въ главныхъ чертахъ уже выработаны и дегли въ «Манифесть Коммунистической Партіи» въ основу практической прогоаммы революціоннаго продстаріата. Съ тёхь порь передерля мысль западной Квропы навсегда распростилась со всёми видами и разповидностями идеализма. Этоть періодь возпикновенія, разработки и пропаганды поваго матеріалистяческаго міросозерцанія является едва ли не самой питересной въ теоретическомъ отношении и ужъ несомићино самой важной по своимъ практическимъ последствіямь эпохой въ исторіи философіи. Но именно этоть-то періодь и быль совершенно неизвъстень П. Л. Лаврову въ то время, когда онъ писаль свои «Испорическія Писька». Онь зналь все, что было до Маркса, но не имъль никакого понятія о Маркев. Онъ усвоиль, насколько это возможно для эклектическаго уна, «последнее слово» до-марксовской радикальной философіи со всей теоретической бъдностью, со всей научной безсодержательностью этого «слова», и сталь строить на фундаменть, который къ концу шестидесятыхъ годовъ представляль собою, благодаря работамъ Маркса и Энгельса, уже одну развадину. При этомъ опъ внесъ и собственную мысль въ илапъ возводимой виъ постройки. Такъ, опъ изобръзъ, не безъ позапиствованій у Огюста Конта, быстро прославившійся у насъ субзектионый неподз 65 соціологів, который не имбеть уже ровно ничего общаго съ научнымъ мыниленіемъ *), возводя въ систему утопическій взгляль на общественную жизнь. Сибвекционая россійская «соціологія» совершенно разошлась съ западно-европейскинъ научнымо соціа-

^{*)} Задача науки, посколько она изветь дёло съ субъектномъ, заключается виенно въ тонъ, чтобы объямно вето посредствомъ объемта. Забывать объемта вачитъ совершать смертный грѣхъ проинъ науки. Но этого моло. Одиажди въ разговорѣ съ Экерханомъ Гете замѣтнал: «Реф впохи удадка субъективна, и, назобротъ, већ прогрессенвина эпохи измотъ объективно направленіе. Нашо время ретроградно и потому субъективно. Не касалсь здёсь вопроса от отов, въ какой иѣрѣ это общее правило допускаеть пеключенія, ин замѣтныъ, что русская передовая общественная мысль тѣмъ болѣе склонялась въ объективнаму, чѣмъ болчо опа била ресолюцічеством содержаніству, и паобороть: она станочилась тѣмь болье субъективно, чѣмъ обържено станочилась тѣмь болье субъектичной, чѣмъ обържено станочилась тѣмь болье субъектичной, чѣмъ обържено отъ субъективния ветоъ калъниств у пасъ такъ пазванающе себо соцалисты-революціонеры. Но соціалисты-революціонеры—пастоляціе себо соціалисты-революціонеры. Но соціалисты-революціонеры—пастоляціе реакціонеры върхусском соціализмі, на опазваніе сдинственно потому, что ихъ соціализмь не революціонень, в ихъ революціоненоть не имѣеть цичего общяго съ соціализмь не революціонень, в ихъ революціоненоть не имѣеть цичего общяго съ соціализмы не революціонень, в ихъ революціонеть не имѣеть цичего общяго съ соціализмы.

лавмоли: Когта И. Л. Лавровъ ознакомился съ теоріями Маркса, онъ вообразань, что поправиль діло, почтительно приянавь автора «Канивала» своиму «великимь учителемъ». Само собою разумістем, что такое признаніе ровно пичего ве поправляло и не могло поправить.

Въ настоящее время многіе русскіе «соціологи» придерживаются «субъективают» методя и стоять за него горою. По та молодежь, которая съ восторпомъ приктистьовала появленіе «Исторических» Писемь», очень мяло заботняась о соціологическихъ метолахъ. Она увлекалась мислью П. Л. Лаврова отпосительно долга образованных классов пароду. Эта мысль давала теоретическое вираженіе ея правтическому стремленію уклечь за собою пародь въ реколюпіонную борьбу съ правительствомъ.

Тупь ражназываеть, черезь навів полебанів прошель авторь «Писси» при выработь программы «Висредь!». Я, съ своей стороны, замъчу, что та программ, которая была, вакомень, шть принята, на мало пе протворфилы точкъ зрънія «Искорических» Писси». Критически-мысляцій личности обязаны перерабатывать культуру. Подь эту чермулу, чуждую самомальйшаго атома копкретности, очень хороно можеть подойти, напримърь, мириая дъятельность представителей пашего земскато пли городского самоуправленія. По подь нее съ удобствомъ подходить и дъятельность революціонера. Программа «Висредь!» наполняла ее реколюціоннымъ содержаніемь, которое было однако, въ свою очередь, до послѣцией крайности отвлечение "). Перерабатывать культуру

Мы получимъ еледующія цифры:

Изъ пителлигенціг:	Впа- чалъ.	Черезъ 2 года.	Черезъ 4 года.	Черезь 6 лёть.
Вступающихт	100 50 50	100 50 50 12 62	100 50 50 15 65	100 50 50 16 66
Reero	100	112	115	116

^{•)} Въ доспазательство принедемъ чрезничайно характериий отрынокъ исъ передоной статъи № 34 «Вигредов» П. Л. Лавровъ описиметь, какъ представляется сму будущій ходъ революціоннаго деюженія въ Россіи. «Допустваль, топорать опъ, — что 100 убъжденнимъ личностей изъ молодежи образують перияй кадрь соціально-реколюціоннаго союза; что каждый годь изъ этой молодежн приступають къ нему повыя лица въ толь же числѣ, при чемъ лишь половная изъ поступившихъ оказамается годи для дъйствій въ народъ. Допустимъ, какъ виме, что изъ дъйстиующихъ въ народъ въ конців каждимъ дмухъ літь остается перамбино бо челодіять. Допустимъ, что клякций процагандисть изъ пителлигенціи пріобрітеть въ 2 года четырех топарищей изъ народа, а клякций процагандисть изъ народа въ тоть же періодъ—втрое болье. Допустимъ, наконець, что одна четверть членовъ союза вза народа гибиеть въ продолженій бы сстанъ соціально-революціоннаго союза при разумной и чилесообрузной діятельности его членовъ посла 2, 4 и 6 айтъ.

критической мыслыю значало теперь запиматься пронагавдой соціализма. По въ представленію редактора «Впередов'я п его посладователей эта давтельность исчедаено привнал совершенно утопическій характерь. Запално-европейскіє соціалисты ведуть свою пронаганду, опираясь на неоткратимый ходь экономическаго развитій буркузанаго общества. Вв неле видять опи ручательство за удачный исходь революціонных усилій. П. 1. Ларора быль как пельзя болѣе далекь оть такого взгляда. Сь его «субвекшеной» точки эрфийа за уситах соціалистовъ ручались отвлеченное превосходство ихъ «идела» и не менѣе отвлеченная справедливость ихъ требованій. Дъйствительное положеніе трудящейся массы принималось имъ въ соображеніе лишь съ одной стороны: со стороны ея бѣлюсти, со стороны ез эксплоатаціи государствомъ и плупним калесами. Утописту кажется совершенно якимув, что чѣм. болѣе страдаеть вародная масса, тѣмъ болѣе она должна обнаруживать склонности къ усвоенію

H32 I	вна- народа. чалъ.	Черезь 2 года.	Черезъ 4 года.	Черезь 6 лыть.
	теллигенціей —	200	248	260
	онаг	Ξ	2400 150	83576 2098
-	Bcero	200	2798	35934
	льно-революціоннаго	312	2913	36050

Я припомию, что при надлежащей организаціи и при разумномъ действін потеря не должна быть столь вначительного, какъ здёсь предположено (она и не была такова при пеятельности, далеко не удовлетворявшей этимъ условіямъ), но допущу, что пропаганда дасть, почему бы то ин было, строе менье выгодные результаты, такъ что после 6 леть соціально-революціонный союзь будеть состоять лищь изъ 10000 ченовскъ, которые усвоили простия начала: отричания монопольной собственности, обязательности возобщаго труда для всвобщаго развитія и обязательности ссеобщей солидарности рабочихь-социалистось въ ихъ свободной группировкъ, т. е. изъ 10000 такихъ, которые способиы подчинить всю свою дъятельность при подготовлении революции и послів си совершения этимъ тремъ пачадамъ. Прибавимъ, что около втихъ 10000 пониманизихъ находится песравневно обширивание число сочусствующихь приктическимь требованіямь соціальной революцін, т. е. насплъственному устраненію чиновипчества и собственниковъ съ передачею всей власти и всего имущества въ руки народа, хотя при этомъ попятія о солидарности всёхъ рабочихъ, о необходимости есеобщаго труда и устранения всякой отдельной собственности, наконець, о свободной группыровкъ личностей были бы далеко не ясны этимъ многочисленнымъ приверженцимъ соціальной революціи. Если мы представимъ себів послів небольшого періода 6 літь 10000 сознательных в руководителей народного денженія, которые струппированы въ няти территоріяхъ, напослію воспрінмчивыхъ для процаганды, примърно по 2000 въ каждой, покружены несравненно большима числомъ лиць, готовыхъ каждую минуту идти за шими, чтобы свалить представителей гласти и кацитала,-то передъ нами такая почтенная ресолюціонная армія, которая въ опредъленную минуту можеть дъйствительно совершить историческое прист.

Прим. къ русск. изданію.

соціализма. Онь и не подозріваєть, что способы производства продуктовь и путь обміна, существующіє въ данной страні въ данное времи, викотъ рішающее значеніе для ся дальнійшаго соціальнаго развитія. «Впередъ!» пе шель дальне весьма неопреділеннаго утопическаго соціализма, и воть почему онь, безпрестанно крича о пищеть п о вырожденія русскаго народа, пе считаль пужнимъ взяться за серьсяное изученіе экономін Россіи.

Наполная пишета должна была, конечно, пурть въ глазахъ главнаго педактопа этого жупнада и свою оборотную сторону: задавленность трудящейся нассы, ея невъмество. Но этому годю обязана была пособить «криническия ихъ пропаганцистамъ. «Внепедъ!» требоваль отъ этихъ последнихъ чуть зи не эпциклопелического образованія. Образованіе, безъ всякого сомитий, есть великая вещь. Это прекласно понимаеть западный продетаріать, «Зпаціе есть сила: сила есть знаніе», похотно повторяль Либкиехть. Но вожаки западнаго продетаріата подьзуются своими знаніями для опредъленія объективнаго хода общественнаго развитія и для выясненія его смысля массі. Знанія помогають западнымъ соціалистамъ оріентироваться въ этомъ ході, находить матеріальныя. экономическія условія, велущія бъ соціальной революців. П. Л. Лавровъ отволить знаніямь совстямь другую родь. Занасъ знаній, имфющійся въ распоряженія маннаго пропаганиета, представлялся сму лишь въ виль навъстнаго количества доводось продись ныпьшиято порядка вешей и сь пользи соціалистическаго общественнаго успройства. Когда наша революціонная полодежь возстала противь запровской проновали знанія, она была вовсе не такъ непрака, какъ его кажется, напримірь, Тупу. П. Л. Лавровь обвиняль ее тогда въ невіжестві, почти въ ваплализмъ. Но невъжество ел сказалось только въ томъ, что она,пистинетивео сознавая, что вопросъ поставленъ Лавровымъ неправильно.-пе умъда опредълить, въ чемъ же заключается правильная его постановка.

Вся дальнейшая исторія міра сводилась для соціалистовь-утонистовь, по выпаженно «Ланибеска Коммунистической Паркии», къ распространению ихъ новаго евангелія. Къ тому же сволилась вся дальпъйная исторія Россіп въ глазахъ нашихъ давристовъ. Въ ихъ утопическомъ полъ зръил не было мъста для вопросовъ полишической борьбы. Полишическая борьба казалась имъ вредной для интересовъ соціализма: «Впередь!» твердо держался утопическаго противопоставленія «соціализма» «полидика». А такъ какъ его сторонинки къ тому же были противь всякаго роза анкланюнной зъятельности, которая представлялась выв вреднымъ отвлечениемъ силь отъ елиноспасающей пронаганды «сопіализма», то скоро они саблались революціонерами только по имени. Они составили изъ себя довольно высокомфримо общину сектантовъ, упорно и монотонно осужнавшихъ все то, что заставляло сильибе биться сердце тогдашияго «радикала»: студенческія волиснія, рабочія стачки, манифестаціи, сочувственныя политическимъ «преступникамъ», массовые протесты противъ безобразій азминистрація и т. и. и т. и. Это очень раздражило тогдашиюю революціонвую молодежь; популярность автора «Исторических» Писемь» быстро падала. Одна изъ политическихъ карикатуръ того времени изображала его тлущинъ

верхомь на ракт и держанциих въ рукт загмя съ нациско: «Висредо!», которая била въ глаза, какъ такая проийа. «Лавризув» съ каждымъ тодомъ, съ какдимъ мбезценъ тераль свое влінию. Изкоторые иль его приверженцевъ постененио превратились въ мирныхъ посителей россійскаго прогресса, другіс, больактивные, сбрасывали съ себя давивинее ихъ иго «критическаго» доктринерства и переходили въ другія фракцій.

Въ половинъ семидесятыть 10006 вліяніе бакинизма было у пась уже несравненно сильнъе вліявія журнала «Впередъ!». Помъ нътъ здъсь дъла до того, какую роль играль Бакуний на Занадь, и какой видь ириняло тамъ его ученіе. Что касается Россіи, то бакуннамъ скоро слідался у насъ чімъ-то въ рода анирическато сласянофильства. Давно уже было сказано, что habent sua fata libelli. Общественно-политическіх теорія тоже имфють свою судьбу, подчась очень странцую. Сочувствіе бъ соціадьно-революціоннымъ движеніямъ Запада зародилось и окрѣнво у насъ въ западническомъ дагерѣ. Славянофилы видели въ нихъ лишь признакъ «тијенја» старой Европы. Они всегда съ больиниъ удовольствіемъ противоноставляли имъ то «слиреніе» и ту «преданность престоли», которыя, по ихъ мижнію, составляли отличительную черту русскаго «народнато дила». Вотъ ночему въ устахъ всякаго революціонно- или хотя бы только опнозиціонно-вастроеннаго русскаго названіе сласянофиль скоро сдідалось обиднымъ, почти браннымъ названіемъ. Но съ другой стороны, чёмъ ближе подвигаемся мы въ семидесятымъ годамъ, времени распетта вашего революціоннаго движенія, тұмь замұтире становится вліяніе славянофильства на развитіе нашихъ революціонныхъ идей. Эта кажущаяся странность объясияется очень просто.

Европензація Московской Руси началась сверху, волею перваго русскаго императора, такъ какъ необходимость ед сказалась прежде и сплыте всего въ области государственной самозащиты и государственнаго управленія. Долгое время она не нереходида за границы этой области. Весь «народъ», вся огромная масса русского крестьянства и большая часть такъ пазываемого у насъ кунеческого сословія продолжали жить такъ, какъ жили они въ доброе старое время. По отношению къ пепривидегированиому сословно петровская реформа поведа за собой прежде всего странный рость государственныхъ податей и повинностей, грозившихъ окончательно задавить его подъ своимъ бременемъ. Крестьянинь протестоваль, какъ могь и какъ умъль, вооружаясь пногда вилами и топоромъ, иногла осьмикопечнымъ крестомъ и старопечатной раскольничьей кингой. По и въ томъ и въ другомъ случат его протестъ пи но формт, ни по содержанию не могъ быть привлекателенъ для русскаго западника чистой воды. Наши западники сороковыхъ годовъ 19-го въка, глубоко и горячо сочувствуя страданіямъ угнетепраго и обезіоденнаго народа, не виділи въ немъ никакихъ задатковъ самостоятельнаго прогрессивнаго движенія. Удачный исходъ крестьянскаго возстанія, въ роді того, которое совершилось въ XVIII столітін подъ предводительствомъ Пугачева, равносиленъ быль бы въ ихъ глазахъ гибели всего пасаженнаго въ Россіи Петромъ Первымъ. Прибавьте къ этому, что по жара усовершенствованія государственной организацін крестьянскіе бунты

становались все разрознените и безнадежите, и вы поймете, ночему, напримърть, у Бълинскаго при всей непависти его ът современной ечу «дъявельностии» ни на минуту не возникала надежда на то, что народь сумъетъ освоболить и проезътить себя своими собственными усиліями »). Совсъзъ незадолго до появлевія его знаменитаго, полнаго революціоннаго жара письма въ Гоголю, пашь геніальный критикъ, страстно сочувствований тогда западному соціалнаму, съ убъжденіемъ говорить въ одной изъ своихъ статей, что все прогрессивное можетъ илти у насъ волько сверзу. Это было очень послідовательно, но за то какъ это было безнадежно! Въдь Бълинскій высказываль это убъжденіе въ царствованіе Пиколая I,—туного, фанатичнаго врага велкаго поступательнаго движеніа!

Начало царствованія Александра II, этого Манилова на престоль, какъ будто подтверждало западническій выводь отпосительно прогрессивной исторической роли русской правительственной власти. Самъ Чернышевскій, повичимому, многаго ожидаль отъ правильнаго пониманія парижовъ своихъ «интересовъ». Но уже къ концу 50-хъ годовъ обнаружилась несостоятельность подобныхъ ожиданій, я тъмъ изъ сторонниковъ «прогресса», которые не могли и пе хотьли сидъть сложа руки, оставалось разсчитывать только па революцію. Но для революцію иужим силы. Гдв могли и гдв должны были пекать ихъ тогданние русскіе революціоногры?

При томъ взгляде на народъ, который господствоваль въ кружкахъ паникх западниковъ 40-хъ годовъ, всякіе расчеты на него, какъ на революціонную симу, являлись нелімой чантазіей. По въ шестидесятыхъ годахъ взглядь этотъ долженъ быль значительно поколебаться уже въ силу того простого обстоятельства, что упичтоженіе кръпостного права вызвало въ крестьянствъ значительное возбужденіе. Широкое, покселестиюе возстаніе бывшихъ кръпостныхъ, ис удовлетворенныхъ всеоихъ ожиданіяхъ «пастоящей воли», одинаково казалось теперь возложнымъ какъ правительству, такъ и революціонному «моло-

 Этоть взглядь на народь получиль чрезвычайно яркое выражение въ стихотнорномъ сотрывкть П. А. Некрасова, относящемся къ 1858 году;

Ночь. Успели мы всемь насладиться. Что жь намь делать? Не хочется спать. Мы теперь бы готовы молиться. Но не знаемъ, чего пожелать. Пожелаемъ тому доброй ночи, Кто все теппить во имя Христа, Чьи не плачуть суровыя очи, Чын не ропщуть намыя уста, Чы работають грубыя руки, Предоставивъ почтительно намъ Погружаться въ искусства, въ науки, Предараться мечтамъ и страстямъ; Кто бредеть по житейской дорогь Вь безразсватной, глубокой почи Безь попятій о правъ, о Богь, Какъ въ подземной тюрьмѣ безь свъчи... Прим. кь русск. изданію.

дому покольнію», т. е. тому общественному слою, который вноследствія скромно назваль себя «пителлигенціей». Что же касалось окопчательнаго результата удачнаго всенароднаго возстанія, то «молодое покольніе», вслідствіе зародивниейся въ немъ жажды революціонной борьбы, должно было рисовать его въ своей фантазін совстяв не такъ, какъ рисовался онь въ воображенів занадвиковъ. Трудно-ли новърить въ благія нослъдствія революція тому, у кого всь надежды сводятся вменно къ революцін? Къ услугамъ революціонной молодежи какъ нельзя болье истати явилась та идеализація старыхь, въками завіщанныхъ намъ формъ народнаго быта, которая играда такую видную родь въ продзреденіяхъ славянофиловъ. Занадники ровно вичего не ожидали отъ народной самодъятельности; славянофилы говорили, что въ народъ кроются богатые задатки самостоятельнаго «тармоничнаго» развитія *). Революціонная молодежь коппа 60-хъ и начала 70-хъ годовъ внолит согласилась въ этомъ случат со славянофилами, принявъ какъ догматъ, что «гармоническое развитіе» пойдетъ въ сторону соціализма, и донолинев втру въ «самобытные задатки» этого развитія върой въ прогрессивное воздъйствие революціонной интеллигенціи. Такимъ образомь старый спорь быль, казалось, окончень, роковой вонрось рашень: н «сверту», со стороны «интеллигенцін», и «сиизу», со стороны парода, пичего не предвиделось, кромъ «прогресса», и мы чрезвычайно быстро ношин по пути... славянобильской передряки западно-свропейскаго инопическаго соціализна. Восторженно чтя намять Бълнискаго, мы усвояли себъ тотъ самый взглядь на общественную жизнь, который такъ часто будиль его полемическую страсть и который казался ему вергомы непослыдовательности, пормествомы обстураншизла.

Чернышескій сбінзился со славяносильской школой въ своень взглядь на общину; Щенось ношель въ этоль направленія перевненно дальне Чертыпевскато, а Бензуния баль уббядень, что въ русскоть параод втаходатся на

лико въ сеныхъ широкихъ разиврахъ тв «элененты», которые являются
необходимани условани соціальной революціи. Побядить своихъ врагозъ народу
ибшаеть недостатокъ сплоченности и организаціи, а не отсутствіе «общато
ндеала», который «быль бы способень осименть пародную революцію, дать
ей опредвенную цель». Такой общій пдеаль, по мівнію Бакунина, существуеть, «и нёть даже необходимости далеко углубляться въ неторическое
сознаніе нашего парода, чтобы определить его главныя черты». Важивійшей
чертой народнаго пдеала оказивается «убёжденіе въ томь, что земля, кея
земля приналежить народу, орошающему ее своимъ потомь, оплоотворяюнему ее своимъ трудомъ»; вторая черта—приверженность въ общинному

^{*)} Ю. Самаринъ, указисая на то, что западний міръ выстапляеть теперь (т. е. въ гороповыхъ годухъ) стребованіе общинъ (т. е. соціализма), арибанлять, что это требованіе социаласть съ нашей субствицісй» и что сть оправданіе формулы мы примосимъ бытъ». Въ этомъ опъ видёть точку сопріткосновний машей исторіи съ западной (см. Инаная: «Характеристика лигературныхъ мибийъ, стр. 298). Въ этомъ вясиядъ Самарина заключается ан sic! мочти все русское народичество.

землевладыню; третья, «одинаксвой важности съ двумя предыдущими, это квази-эбсолютная автопомія, общинное самоуправленіе и, вслідствіе того, рішительно враждебное отношеніе къ государству» *).

«Уплубляясь вы историческое сознание нашего народа», славянофилы находилы, что народивий идель быль вы значительной степени осуществлень вы ванемы старомы, допетровскомы тосучарсков. Щановы и Бакунины видёли вы государствы оприцение народнаго идеала, пославленьское на самодиравление общинь и на свободную федерацию этихы общины «спизу вверхв». Такимы образомы дентры тяжести пледалнации «историческато сознанія нашего пародачастью перепосился вы древыбний, домосковский періодь, частью пріурочавался вы народнимы протестамы противы непрерывнаго роста податей и повинностей, шедшаго рука обы руку сы развитіемы и упроченіемы государства "").
Русскіе пародники, ближайние потомые русскихы бакунисторы, казалисы И. С.
Касакову пеносыблювательными, сбивнимися сы прямого пути славянофильны
съ своей стороны пародники могли упрекнуть славянофиловы вы томы, что
они, чутлубляясь вы историческое сознание нашего народа», останавливались
ва польдорогы и идеализировали такія черты общественныхы отношеній
Московской Руси, вы которыхы самы народы не мляльть роко в пичего идеальнато.

Какъ бы тамь ни было, указывая на отсутстые сплоченности и органия въ народъ, Бакунинъ тъль самымь опредъильт задачу революционнов интеллигенции: объединить пародине протесты, придать иль стройный организованный видь. Эту задачу и старались всеми силами разрёшить всё наши революціонеры положимы семидесятыхъ годовь, находившісся подъ вліянісмъ бакунительть возарьйні.

Бакупизиъ, это тоже доктриперство, тъмъ болъе прайнее и упрямое въ своихъ выволахъ, чемъ глубже презиралъ доктринеровъ его основатель. Ин одно изъ положеній Бакунина не могло бы выдержать самаго легкаго прикосновенія научной притики. Но въ бакупизий была одна сильная сторона, спасшая его сторонинковъ отъ застоя. Этой сильной стороной являлось пристрастие къ «анинаціи», къ «буннамь». Каними нельными доводами защищали «бунти» ибкоторые изъ русскихъ бакупистовъ, могла бы показать ходившая въ концв семидесятыхъ годовъ изъ кружка въ кружокъ рукописная брошюра нокойнаго Каблица: «Мысли революціопера». Основное ноложеніе ся заключалось въ томъ, что такъ какъ умъ всегда повинуется чувству, а чувство воспятывается упражиснівнь; такъ какъ кромі того бунны воспитывають въ пароді чувство прошеста, то они гораздо скорье, чемь пронаганда, подготовять его къ соціальной революцін. Пароз яки (общество «Земля и Воля») подсмінгались падь этой брошюрой, авторъ которой никогда не считалоя дъльнымъ революціонеромъ. По это не ифиало имъ видъть въ бунтахъ лучшее восинтательное средство для пародной массы. Они сами бредили «агитаціей», они сами всюду

 ^{1) «}Государстаенность и анархію», примічаніе А, стр. 7—10.
 М. С Аксаковь третирональ Разанна и Пугачена, канкъ разбойниковь;
 М. А. Бакунник считаль разбойниковь имениковномым революціонерыми.

искали «бунтовъ», а яменно это обстоятельство разо или поздно должно было эманенипровать ихъ отъ бакинизма.

«Песмотия на нелостатовъ въ пемь силоченчости и обганизаци изки. MADOLA GERMANDERING REGERENCES IN RECEIVED FROM THE PROPERTY OF RESCRIPTION сословій Опа и то сиха пора са нима не помирился. И то сиха пора то залеж. то тамъ постоянно водимотся крестьяне. Мы должны пользоваться этими возненіями, мы золюць расширять и организовать ихъ». Такъ говорили бунтари-народники, и уже съ кониз 1876 г. общество «Зедля и Воля», въ программу котораго вонын всф основныя положенія бакуннама, стало заволить прочима «поседенія ав народь», постененно распространцешілся по всему средвему п нижнему Иоволимо, на Лону, въ Воропежской и Тамбовской губерийхъ. Льго имо, пожалуй, очень нелурно: поселенцы не радео становились влательными модьми въ деревић. Но одъ этого мало выигрывало «сеявое обло билеа», кака. выражатся Бакунина. Идя явь наподья, бунтарь поминав преимущественно то. что въ Россіи ежегодно происходить не мадо столкновеній косстьянь съ номіинками и азминистраціей. Это была, такъ сказать, качеснаенняя сторона зілл. повилимому ручавшаяси за «бунтарское» настроеніе народной массы. Но. посслининсь въ деревит, онъ потъ вліяніемъ оныта, а отчасти, пожалуй, и скупи. передолить вы комплесивенной сторонь того же выда. У него возвидаль такой вонносъ: сколько лёть мих придется ждать бунта въ моей деревих, приниман во внимание, что итслольно десятковъ престыянскихъ волнений ежегодно прихолится на ибсколько соть тысячь деревень? Въ отвъть получалась докольно таки большая цифра, погружавшая «бунтаря» въ прайне грустими размышленія. Бъ этому присоединалось еще и вотъ что.

«Бунтарь» шель вь народь съ тімь, чтобы подинмать его противъ еслкаю вообще государства во имя свободной федераціи свободныхь общинь. Но на Квів выходило, что агипація, но скольку она возможна была вь деревив, сводилась вт протесту противь ныпьшинно полицейско-сосложно государства. Проклинавній «полинику» бунтарь на ділі оказывался прежде всего полинических агинматороль, хотя въ деревив «пародние идеалы» ставили даже и для такой агитаціи очень тісные предім: въ большинстве случаевь крестьние упорно связывали съ вврой во царя вст свои падежды на лучшее будунее *).

Но въ деревић жизпъ текла медленно; въ городъ впечатаћий смънялись весравненно быстръс. Съ тогланивей бунтарско-пародинческой точки арбий родь города въ предстоящей революцій была совершенно пичтожна. Бунтовать падо было пародъ, в пародъ, пастоящій, пенспорченный цивилизацієй народъ можно было вайти только въ деревив. По живенимъ въ деревиадъ «бунтарамъ» вужни были наспорта, деньти, адреса, сязи, новыя, свѣжія революціонным силы. Поэтому многіе изъ иха токарищей оставались въ городахъ, гъб только в можно было пайти средства для удовлетворенія всѣхъ этихъ многоразличныхъ потребностей. Занятые преимущественно дъзами организаціи остававнися въ

Потому-то такъ называемое чилиринемее доло и осталось самымъ крупнымъ проявлениемъ революціонной работи народников въ крестьлиской средь. Прим. въ русск. изд.

городахъ «бунтари» и тамъ не упускали, однако, случаевъ предаться совяюху оълу бунка. А въ городахъ, особенно въ Петербургъ, такихъ случаевъ было тогда ве мало. Уже одни подптическіе процессы давали прекрасные поводы для агитацій. Къ этому падо прибавить доводьно крупним стачки рабочихъ, дободьно громкіе студенческіе «безпорядки»... Начиная съ гесны 1876 г. въ Петербургъ происходитъ разъ демонстрацій, которыя доходать до своого эпотея весною 1878 г., во кремя процесса В. И. Засуличъ. Страсти все болѣе и болѣе разгораются; борьба становится все болѣе и болѣе ожесточенной. И зътъс особенно замътно, что борьба бедется не съ посуварствомъ вообще, а съ полищейскимъ государствомъ. Лавристви не переставали кричатъ, что бунтари, забывъ о соціализмъ, борнотея лишь за политическую свободу. «Бунтари» и сами чуествовали, что ихъ анамаціонная деяжельность плохо вялется съ ихъ «соціализмя», по върный революціонный инстинктъ неудержимо толкаль иль впередъ, и они, очень слабо и петудачно защиная свою агитацію въ теорія, очень одобо и настойчиво занимались его на практинкъ

Борьба велась главнымъ образомъ силами «пишеллитенціи», Рабочее паседеніе столицы только еще начинало тогда входить во вкусь «неновиновенія власти», и какъ ни быстро прогрессировало оно въ этомъ направлени, оно ещене оказывало лассовой подзержки революціонерамь. Такъ называемое общество, ясно вильло, что спла еще не на ихъ сочувствуя революціонерамъ, сторонь, и нотому не выбинвалось въ открытыя стольновенія ихъ съ правительствомъ. Такимъ образомъ въ случаяхъ подобныхъ стольповеній революпіонная пителлигеннія была почти піднкомъ предоставлена своимъ собственнымъ силамъ. Этихъ силъ было слишкомъ мало не только для побады, но даже для сколько-инбуль серьезнато сопромивленія съ открытомь бою. На во второй половинь семидесятыхъ годовъ борьба разгоръдась уже такъ сильно, что пеобходимо должна была дойти до своего логическаго конпа. Следовательно, надо было найти для нея новые пріеды. Эти пріемы даны были въ меррорь, который уже практиковался тогда подъ названіемь дезорганизаціи правительства. Терроръ нозволяль паносить правительству сильные удары, песмотря на оченилное, страшное превосходство его силь надъ силами революціонеровъ. Этого было достаточно для того, чтобы привлечь къ нему всё симпатіи революціоперовъ. «Бунтарская» діятельность, въ народі незамітно отонна на второй планъ, жившіе въ деревняхъ «бунтари» съ отчаяніемъ увиділи, что притокъ къ нимъ новыхъ силъ совершенно прекращается. Они, восхищавшиеся прежде каждымъ удачнымъ террористическимъ лійствіемъ своихъ городскихъ товарищей, стали рышительно и страстно отринать терроръ. Обывновенно исторія этихъ разпогласій плображается въ томъ видъ, что народинки стараго направленія стояли за какую-то инриую дългельность, а террористы стремились къ реколюціп. Въ дъйствительности споръ шель о томъ, продолжать ли революціонныя,-«бунтарскія»,-понытки въ пародъ, или, нахнувъ рукой на пародъ, ограничить революціонное дало единоборетвомо интеллигенцій съ правительствомо. Споръ этотъ долженъ быль рашиться на Воронежскомъ съезда латомь 1879 гоза.

Мы виділи, что бунтарская діятельность въ деревит оказалась далеко не такой легкой задачей, какой считали ее бунтари, заводя свои «поселенія». Станевилось ясно, что широкій крестьанскі «бунтъ» могь быть діломь разві лишь очень далекаю будунано, между тімь какь «террорь» сулиль близкую побіду. Вісы не могли не склониться въ пользу террора.

На Воропежскомъ събадъ опнозиція «деревенциковъ» привела лишь кътому, что общество «Земя и Воля», вознивнее за итколько лѣты передъ тъшь се медилонивальною цяльно антилиц въ пародъ, согласилост поддерживально устарскія «поселенія», посвящая имъ одну треть сеоихъ средство. И вст поинмали тогда, что это только временняя уступка со стороны «террориснова», что ихъ дъятельность въ концъ концовъ полотить даже и тѣ средства, которыя они остласились предоставить въ распоряженіе «бунтарей». Разривъ сталь ненабъженъ. По онъ пи мало не клубинъ сетественнато теченія собитій. Старое революціонное народинчество было осуждено на смерть самою жизнью политка «чернопереблыребъ привлечь къ пему повыя силы окопчилась поливиней неудачей. Даже та часть революціонной молодежи, которая сочувствоваля програмиъ «Чернаю Передла«, не покидала городовь, и скоро одно за другимъ печезні всё вли почти всѣ «бунтарекі» «поссленія въ пародъ».

Сосредоточить всё силы на «террорё» значило направить ихъ цёликомъ на борьбу за ту политическую свободу, которую предаваль апавем в каждый правовърный бакуписть и народинкъ. На практикъ партія «Пародной Воли» была поэтому полимы отрицаніемь бакунизма и народинчества. По теоретически она была какъ нельзя болье далека отъ полнаго разрыва съ нями. Она еще твердо держалась завішаннаго утопическимь соціализмомь противопоставленія «соціализма» «полишикъ». Ея соціалистическая совъсть пе могла оправдать ея исключительное занятіе полимической борьбою. Еще громче, чёмъ соціалистическая совъсть возбужденной и увлеченной борьбою «Партіп Народной Вози», ронтала окружающая ее, какъ атмосфера, но не принадлежащая къ ся организація масса революціонной интеллигенців. Противоноложеніе соціализма политикъ становилось тормазомъ движенія. Устранить этотъ тормазъ помогла теорія захвана власки. Народовольны стали разсуждать такъ: если бы наша борьба приведа молько нъ торжеству политической свободы, то это, действительно, могло бы быть вредно для народа, такъ какъ за политическимъ освобожденісяв послідовало бы усиленное развитіе канитализма, а слідовательно и успленное разложение старыхъ экономическихъ основъ крестьянскаго быта. Но если мы, соціалисты, въ искренности которыхъ пельзя сомивраться, сумбемь, поваливь абсолютизмь, захватить власть въ свои руки, то восторжествуеть уже не капитализмы, а соціализмы, и народь безконечно много выпграеть отъ нашего усибха. Осуществление нашей соціалистической программы будеть для нась тымь легче, что въ Россіи очень слабо развить капитализмъ, что въ ней очень прочиа община, очень крѣнки пародные идеалы, и что вообще она не-Западь *). Такимъ образомъ то самое теоретическое затруднение, кото-

Для прим'тра см. статью Л. Тихомирова: «Чего намь ждать от революція» во второй книжкі «Вистима Народной Вели».

рое, казалось бы, должно было заставить русскихь революціонеровь подвергнуть критическому пересмотру всё основы «русскаго», отрицавнаго политику соціализма, на первых поражь привело лишь въ укрыленію и безь того сплымы в немь элементств сласнофильства. Искойный Тихомировь быль уже настоящимь сласнофиломь, хоти и не анархическаго, какъ Бакушинь, а якобинскаго толка. Съ появленіемъ «Партін Пародної Воль» вообще восторжество-вало у насъ оставаннесея до тъхъ поръ чрезвычайно слабымъ якобинское каправленіе Ткачева. По не пужно забывать, что Ткачевь совершено раздыльнь общіе вугляды Бакушина на русскую народную жизнь, расходясь съ пимълнию по вопросамь о прісмахъ революціонной борьбы и о значенія «тосударства». Поэтому якобинскій духъ «Партін Пародной Воль» вовсе не обозначаль собою полнаго разрыва съ бикункамомъ.

«Террорь» явился у цаст. сегественным в плодом слабосви силь революціонной партів, вытавшейся, песмотря на эту слабость, ванести окончательный ударь правительству. Та же самя причина обустовнала собою и веудачу террористической борьбы. Посла 1-го марта 1881 года «Партія Пародной Волибингро клонится въ упадку. Въ концё переой половины 80-хъ годовъ организованное революціонное доижение перестало существовать въ Россій. Его цикль быль закончеть. Революціонная интеллигенція обнаружила геройское самостверженіе; она совернила блестиціе подвити, но ся силы были окончательно истописным межлу тъмъ валь реакцій посла и вобягла.

тельно истощены, между тъмъ какъ реакция росла и кръила.

Наступившее затишье было благопріатно для русской революціи, по крайшей мірть во одном отношеніи: опо дазало уцѣлъвниям отноперам революціонерам поводы и время подвергнуть критическому облору всю предмідущую исторію вхъ движенія. Когда все приходялось паншать запово, шитто пе могло помінать обновленію паншкъ революціонных» теорій. Вевкій революціонеры, ве принесній своей «критической мисли» въ жертву «ведивни» тібнять», чевольно спрашиваль собя, чтот таког собетвенно быль тоть «соціализмі», поры знаменемь котораго совершалась до сихъ порь ваша борьба? При ивкоторомь знамометвів съ западно-серонейской соціалистической литературой легко было увидать, что во вебль своихъ відахъ и разповидностять представиль отн. собою самую плоскую передаботку утопическаго соціализма. А развома обпаружена его меорежическая несостоятельность, иструдно было понять, въ чемъ заключался всточникъ его праклической слабости.

Кабъ мы видели, наша «пимсилителція» уже съ вачала шестилеситых годовх коронно сознавала, что ей надо искать поддержив въ «пародъ». Въ восеминествать годахъ, когда опытъ табъ виственно подтвердиль ей, что опа своими собственными силами не одолфетъ цариама, «пародъ» долженъ быль явиться въ ен глазахъ еще болфе желаннымъ созовникомъ. Но прежде импеилителция смотръда на «пародъ» черезъ славялофильскую призму. Теперь тотъ же опытъ,—пеудача народинческихъ реколюціонняхъ усиліц,—заставляль пододръвать, что эта призма пекажаетъ иствиные образы предметовъ. Ситавнийся оконченнымъ сноръ славянофиловъ съ западинками оживаль въ новомъ вылъ

«Народные идеалы» (оставляя въ сторонъ вопросъ о томъ, насколько правильно народническое представление о нихъ) ин въ какомъ случат не могуть служить показателемь будущаго общественнаго развития страны, «Идеалы» всянаго напода возникають на реальной общественной основъ. Съ исчезновеніемъ этой основы они продолжають еще существовать ифкоторое время по закону внердін, чтобы нечезнуть затымь въ свою очередь, уступивь місто вовымъ вдеадамъ, выростающимъ на почет повыхъ условій. «Углубиться» въ «историческое сознаніе» народа всегда полезно; по еще полезнае для революціонной партін «углубитьси» въ изученіе экономіи той страны, гдѣ она дѣйствуеть. Ла и этого мало. Не довольствуясь констатированіемь сиществующихь отношеній, она должна определить направленіе ихъ развинія, попять смысль того, что возникиеть. Сила исторической философіи Маркса, которая въ восьмивесятыхъ голахъ была уже общеновизнанной основой запално-европейскаго соціализма и съ которой, следовательно, намъ прежде всего вадо было справляться, заключается именно въ томъ, что опа разсматриваетъ всъ общественныя явленія съ точки зрінія шхъ разентія, съ точки зрінія шхъ возникновенія в уничтоженія. Маркензмъ викогда не искаль въ заслов основы не для революціонныхъ ожиданій въ будущемъ, пи для практическихъ революціонныхъ дійствій въ настоящемъ. Съ точки зрвијя марксизма ясно было, что не экономическій застой, охраняющій старыя формы жизни, а экономическое доименіе, расшатывающее историческую основу царизма, подготовить у насъ торжество революціонной партін. Въ применеціи къ «народу» это означало, что решающая прогрессивная роль въ дальнъйшемъ развити России будетъ принадлежать не тъмъ слоямъ ея населенія, которые живуть при старыхъ, постепенно псчезающихъ условіяхъ, а тёмъ, которые возинкаютъ, растуть и успливаются всябдствіе современнаго намъ экономическаго развитія. Естественнымь, бликайшимъ союзникомъ революціонеровъ оказывался поэтому не ветхозавѣтный прессыянинь, а современный пролетарій. Не сразу освоился съ этинъ выводоль «русскій соціалисть», которому двадцатильтвая привычка ийшала видеть въ пролетаріать что-либо, кроив насенвнаго продукта исторической «буржуазной цивилизаціи». Та же привычка заставляла его проувеличивать экономическую самобытность Россіи. Лаже переставь вильть въ нашей экономической отсталости надежнёйшій залогь своего усп'яха, опъ все-таки не безь труда могь освоиться съ тою мыслыю, что исторія безъ его в'йдома и вопреки какъ его собственнымъ, такъ и «народнымъ идеаламъ» уже создала новую революціонную силу. Но факты говорили сами за себя. Всв изследователи русской жизии сходились нежду собою въ томъ, что внутрениее разложение общины плетъ виередъ съ постоянно возрастающимъ ускоренісыъ, что въ завъщанномъ намъ исторіей крестьянскомъ сословів быстро образуются два новыхъ класса: буржуазія и пролетаріать: что капитализмъ торжествуеть по всей линіп. Правда, почти каждый изследователь быль при этомь убъеждень, что дело можно еще поправить, и предлагаль свою утопію сь болье вли менте яспо выраженнымъ гомеонатическимъ характеромъ. Но мы уже знали цену утопіямъ.

Исожиланный тог наса самихъ выводь относительно революціоннаго значенія пусскаго продетавіата какъ недьзя болье подпескавался истолісй пашего движенія «Бунтари»-народники инкогда не задавались, да и не могли зачаваться прино системалилеского воздруствия на проминичений протедорать: слинственное, что они могли сказать ему, сволилось ка очень мало утфинительному H BORCE REHOVERITETINGONY BLIEGIV: Th-BURGOTERROE HUBBLINGONIER VETT DVCCEPTO напола: и лучше было бы, если бы тебя совсемъ не существовало. Само собою HOUSTRO UTO CTOIL HOUSILUME EMPOJA BUESET DO MODA COSTÉTUTORETA MOSTRAL ческому вазвитно русскаго рабочаго класса. По-такова сила вещей!-его сознание все таки развивалось. Рабочая лисса уже въ половинъ 70-хъ головъ приходила къ тому убъждению, что студенты (такъ называдъ за, въродтно, и теневь называеть пародь революціонеровь), борясь съ правительствомъ. отстанрають самые насушные народные интересы. А что касается непедовыть послетовителей этой массы, то они въ лина «Спесию-Рисскато Рабочато Союза» DONALD BENEFIT TO THE TOTAL PROPERTY OF THE PR зизму *).

Обезпародьте народь, разсуждаль въ 60-хг годахъ сдавянофиль И. С. Аксаковъ, в наши теорів окажутся лишенными всякой реальной соновы; у насьвянтся ночва для революціонных давженій, подобных западно-свропейскить. И. С. Аксаковъ правъ, хотя въ качествъ русскато «интеллигента» 40-хъ годовъ опъ быль лишенъ всякато эконолическато образованія, а поотому даже и не подмурбаль, отмуда можетъ взяться вліяніе, способное «обезпародянь кародъ», идеализованный славяно-филень.

Русское правительство выпуждено было продолжать начатый Петромы процессь европензаціп, хотя само опо, конечно, пи мало не хумало при этомы о прогрессивноть воздійствіп на русскій народь. Оно повиновалось всемотущей исторической необходимости, по мало-по-малу европензація коснумаєсамыхь тлубовихь основаній русской пародной жизни, перестропла всю экономику Россіи, и необходимымъ слідствіємь этого явилось враждебное правительству освободительное печеніє силау. Старый споръ славиновалось съ
западаннами, начавнійся на философской почей, різнался политической экопочей

Разъ обращено было революціоперами випманіе на это рышеніе, возстаповлямає логическая пить развитія русской революціонной мысли, порванная пропикновеніемь въ Россіи теорій утопическаго соціализма. Еще Бълшекій съ восторгомъ привътствовать ноявленіе «Deutsch-Französischen Jahrbücher-Маркса и Руге. А теперь мы, русскіе соціаль демократы, сиптаемъ распространеніе въ Россіи взглядовъ Маркса важивішей задачей вашей пропаганды.

Итакъ, паша новая точка зрѣнія хѣлала рѣшительно невозможнымъ для насъ страхъ передъ успѣтами русскаго капшализма, совершенно пемыслиммъсомпѣніе относительно пользы полишической соободы. Противопоставленіе соціализма «политинъ», очень вредное на практикѣ, оказывалось пехѣнымъ и

Отл. объ втомъ въ моей брошюрћ: «Русскій рабочій въ революціонномъ движенінь.

въ теорін, такъ вакъ всякая классовая борьба семь борьба поливическая. Пародоволическая онація захвата власти оніцалистами-заговоринисами становилась малининсй, потому что само собою падало то затрудненіс, въ виду котораго она была придумана. Она уступала м'юто сознавню необходимости воспитывать пролетаріать для его будущаго тосподежа. Наконець пам'инялся взілядь и на террорь. Когла борьба велась селами ошой вителлигенція, онь стілался безуслорно непаблинмы, вакъ только борьба достигла значительной степени напряженности. Но когда распиврится русло русскаго революціоннаго движенія, онь пріобрітаеть условное, относительное значеніе пріема, который можеть быть полезень, а можеть быть и кредевь, смотря по положенію д'яль партія въданное время.

Вяглям руссыих соціальдемократовь на нервых вызвали противы себя цілую бурю. По постепенно волненіе улеглось, и теперь послі десятнытиві литературной діятельности мы можемь сказать, что въ теоретическомъотношенія ванна ціль ночти достигнута: возврать въ старымъ революціоннымътеоріямь теперь уже совершенно невозможень, и каждав, даже самва разженая вамь грушва русскихь революціонеровь на тра четверти усвола себь
наши вден. Если многіе до сихь поръ еще не совська соглашаются съ нами,
то это процеходять потому, что, къ сожалівнію, многіе еще не вномы
нась понижають.

Во-вторыхъ, и именю въ силу правила: «созмыщай недосиаломъ рабочиль обмисив префразуржовъ», наиш вяляды часто истолювываются въ томъ симелъ, что мы, стремясь имъть хѣло съ рабочим, не хотимъ внеего знатъ, кромъ рабочихъ. Покойший Прявевальскій разсказываль въ однолъ въз своихъ путешествій, что опъ и сто товарниц заводили больнихъ собакъ, оттоиявникъ отъ ихъ стоянокъ туземдевъ. Насъ понимаютъ иногда въ томъ симелъ, что отъ ихъ стоянокъ туземдевъ. Насъ понимаютъ иногда въ томъ симелъ, что отъ ихъ стоянокъ продетаріата. Но если би кто-инбудь изъ русских софіальденократовъ и заслужиль нодобний упрекъ, то это показивало бы тольно, что онь не понимаєть того самаго ученія, нодъ знамя котораго становитель Ученіе Маркса должно и будеть служить намъ не для того, чтобы оттальнивать отъ себя педовольные злементы русскаго населенія, во для того, чтобы оттальнивать отъ себя педовольные злементы русскаго населенія, во для того, чтобы оттальнивать отъ себя педовольные злементы русскаго, на для того, чтобы оттальнивать отъ себя педовольные злементы русскаго, на для того, чтобы оттальнивать отъ себя педовольные злементы русскаго, на для того, чтобы умътравать отъ себя педовольные злементы русскаго населенія, во для того, чтобы оттальнивать отъ себя педовольные злементы русскаго населенія, во для того, чтобы оттальнивать отъ себя недовольные злементы русскаго населенія, во для того, чтобы умътравать на пихът, не смущавась никажими предразульными. Какъ показано выше, уже бунтари-народники выпуждевы были всети

полвтическую борьбу, хоти и считали политическую свободу вредной буржуваной выдумкой. Мы будемь вести ту же борьбу, хороню сознавая значене политическихы правь въ дала оснобозденія рабочихь. «Партія Пародної Волиссоредоточная вей свои силы на борьбі съ царекой властью, извиняясь перець «соліализмомь» съ помощью фикцій. Мы будемь продолжать ся великое дбло, во мы не будемь вуждаться въ «нециях»; для нась не существуеть противоположенія соціализма полиникь, бунтары отрицали ее во имя «винюція». Мы будемь заниматься и тблю и другимь, табь вакь писакая отитація пельсеция безь пропаганды и всикая пропаганда беземыслення, еели она не приводить къ апичація, ко елівнію на массу.

Революціонное затинье, наступившее въ Россін послѣ 1-го Марта 1881 года, многимъ казалось странимъ, почти пеобъяснимымъ. Но въ сущности причины его совершенно ясны. Авижение семилесятыхъ головъ было, какъ я сказаль, пренмущественно движенісмь «интеллигенція», шаче разпочищевь, этого перваго общественнаго слоя, всколыхнувшагося подъ вліяніемъ глубокаго соціальнаго переворога, пережитаго Россієй въ предпествовавшее десятильтіе. Силы этого слоя были окончательно истощены въ такое время, когда друг'е, болье сильные слов еще не могли взять его льло въ свои руки. Рабочій классь еще только созрываль для реколюціонной борьбы, а террорь скорбе замедлизь, чёмь ускориль процессь его созраванія. Буржуазія въ ея паломъ пиала не мало причина быть неговольной правительствома, но горазго болбе многочисленных и гораздо болъе важныя причины заставляли ес «обожать нонарха». Ресориы Александра II дали ей множество способовъ легкой и върной наживы. Опъ виервые саблали ее вліятельнымъ общественнымь плассомь. Изъ офиціальныхъ данныхъ видно, что русскіе предприниматели получають, говоря вообще, огромную прибыль на свои капиталы. Правительство, которое создаеть, поддерживаеть и умножаеть условія для столь быстраго роста капитала, не можеть не казаться напиталистамь почли идеальным правительствомы. Воть почему нашъ «либерализив» увлекаль до сихъ поръ только людей «либеральных» профессій», преподавателей, журпалистовь, адвокатовь и т. п. либералось по профессии. Эта часть буржувайн либеральничала въ ибру своихъ силь, т. с. очень скроино. Остальная, панбольная и песравненно болье вліятельная часть ея видъла въ революціоперахъ вредибінняхъ врагосъ «порядка», т. е. ея собственнаго, баспословно быстраго обогащения. Еще советиъ педавно (22 мая стараго стиля) министръ финансовъ на торжественномъ засъдани рыбинской биржи по случаю ея интидесятильтія, провозгласивь тость за рисское купечество, сказаль, что «историческій» опыть показываеть и самь опь проникнуть тімь убіжденісмь, что торговое сословіє составляєть падежный оплоть престолу и отечеству, и что, безъ сомивния, и впредь будеть такъ и «всегда во явки выковь» (это подлинныя слова з. министра). Но извёстно, что, когда офиціальныя лица разсуждають объ исторіи, они видять только ся задиюю часть. Г. министръ позабылъ спросить себя, на чемъ основывается его въра въ будущій, въковъчный союзъ «россійскаго купечества» съ нопархіси. Купеческая мошна-ненадежный союзникъ. Она поддерживаетъ лишь тъхъ, отъ кого ожи-

даеть выгодь, и молько до миль порь, пока ожидаеть выгодь. Она не знаеть благоларности. Русскій абсолютизмъ въ последнія два напотвованія ревпостно служиль буржуззін. По чемь болье усердствоваль онь въ этомъ отпошенія. тъмъ болъе подрываль онъ свои средства служить ей въ бидищемь. Ея баспословно быстрое обогащение нокупалось прною столь же быстраго обиншания врестыпиства. Абло дошло наконець до того, что земледбльческое население оказалось осужденнымъ на хроническій голодь. Но хроническій голодь въ странъ. гат фабрично-заводское производство разсчитано преимущественно на внутревній рынокъ, грозитъ банкротствомъ самой буржуазів. Уже но одному этому ея предапность и престолу и отечеству (т. е., на офицальномъ языкъ, тому же престолу) подвергается спльному испытацію; но это далеко не все. Разоривъ мужика, правительство выпуждено будетъ обратиться за деньгами къ той самой буржуззів, которая умітіз только поличаль ихъ изъ государственнаго казначейства въ видъ всевозножныхъ «субсидій». Подоблаго испытанія купеческая мощна не выдержить, и мы, вопреки увъренности г. минестра финансовъ. можемъ высказать свою увъренность въ томъ, что приближается время разрыва «россійскаго купечества» со всероссійскими десполизмомь.

Наша буржувайя еще очень плохо военитана въ политическомъ отпошеніи. Пока будеть совершаться е политическое военитаніе, си передовые влененты, си «предолють по необходимости будуть подпадать подъ выйше босле арбаныхь влементовъ революціонной «нительніченців». Кто пошинаєть гажность одного этого обстоятельства для нашего соціалистического далькемія, тоть не скажеть, что им ножень не обращенье вимленія на буржуваність.

Но важиве этого другое, только что высказанное мною соображение. Пока мы «углублялись въ историческое сознание русскаго народа», окончательно исчезла та экономическая почва, на которой опо выросло. Дёло туть ве въ томъ, что пародъ бъднълъ все болъе и болъе, какъ ин важно само по себъ это явленіе. Абло въ-токъ, что количественныя изприенія въ положеніи землеябльна, безпрерывно пакопляясь, привели къ глубокому каческоенному его изубнедно. . Теперь русскій земледівник сорсімь не тоть пасализоранный крастьяник, съ которымъ собирались имъть дъло революціонеры-народинки 70-хъ годовъ. Совершенно выбитый изъ своего стараго, въками завъщаннаго престыпекато обихода онь попеволь приходить въ движение и поневоль начинаетъ расшатывать зданіе абсолютизма, прочно покольшееся на его широкой сипнъ въ теченіе цілых столітій. Воть ночему было бы величайшей неліпостью, невізволтибіїшимъ позоривішимъ доктринерствомъ думать, что русскіе соціаль-демократы ис должны воздъйствовать на крестьянство. Совершенно наоборотъ. Мы обязаны воздъйствовать на крестьянство, мы обязаны употребить всъ усилия, чтобы внести въ его среду революціонное сознавіе, заботясь только о томъ, чтобы крестьянство перестало воздийствовать на нась, т. е. чтобы восполинание объ его «историческомъ сознания» не ноддерживало «интеллигентской» склонности къ утоніямъ. Въ этомъ смысле мы и говоримъ, что, воздействуя на крестьянство, интеллигенція должна твердо держаться точки зрвнія пролепаріана. А кому жеень этоть смысль нашихъ словь, тоть нонимаеть, что «много» или «мало»

у нась «рабочить», но прагальная оцёнка современных вапихъ общественнихъ отношеній можетъ быть дана только современнымъ научнымъ соціализмомъ, и что дёло не въ числё рабочихъ, существующихъ въ данное время, а въ общемъ паправленіи напиего экономическато развитія *).

Въ Россіи есть люди, уже ставине на точку зрвнія научнаго соціализма, но еще не решающеся признать себя соціаль-демократами. Это происходить потому, что намъ принисывають стремление ввести у насъ тактику ибменкихъ соціаль-лемократовъ. Само собою понятно, что мы были бы сумасшедшими, если бы помышляли о чемъ-инбудь полобномъ. Мы назвали себи соціаль-демокрашами не потому, что котели обезьянить немцевь, а потому, что, по нашему метнію, русскимь революціонерамь следовало перестать обезьяниль Бакинина. считавшаго соціаль-демократію воплощеніемъ реаккій. Мы уб'яжлены, что этотъ предразсудовъ долженъ быть уничтоженъ въ интересахъ русскаго рабочаго класса, который даже по легальнымъ изданіямъ можеть отчасти следить за огромными усибхами продетаріата соседней страны. Каждая победа нёмецкихь соціаль-демократовь должна напоминать русскому рабочему, что по объ стороны гранццы борьба ведется, несмотря на различіе ифстиыхъ условій, за торжество того же санаго принцина. Этого, разумъется, не достигнете однимь назоднівль; къ этому должна вести вся наша двямельность, по этому не должно и ибщать и различе нартіопныхъ названій, способное лишь сбирать съ толку людей, не совствъ подготовленныхъ.

Мы будень... Но нив ногуть заивтить, что если вону-инбудь интересив, и езилода, то ин для ного не ублительны пои ручательства за будущев, и что поэтому инб стбдуеть поворить из долины, а не им буделе. Я сопасень признать сирвежданность подобнаго заивчания и говорю: им долины поступать вышеуназащимить образоль подь страхоль резолюціонного спурогодній, подь страхоль превращеній в сенту, заивчанельную польно соолив безплодієнь, то допушнерова та роду блаженной напати завристесь...

Въ вашенъ висьнъ Вы спрациваете непя, толаринци, какова организація русских соціальденократовь. Я пе хочу вводить влез въ заблужденіе; бесёдум съ Вани, я считаю своем святом обязанностью, по выраженію Лассаля, сизsprechen was ist, и потоку я отв'ячу Вань, что со стороки организаціи ваше
положеніе оставляеть желать очень и очень многаго. Въ Россіи вообще, а не
только между соціальденократани, пока еще в'ять силькой резолюціонной
организаціи. Остается говорить вишь о пашикъ полеженіма на этоть счеть.
А пожеляція наши сводятся въ созденію подвижной боемої организаціи, выпощейся скоду, чісь можно панести удерб правишььски, поддерживани
ресолюціонное денженіе прошнов существующаю порядка сещей и еб по же
время ки на винцију не упускающей иза своу будущности кашего денженія.

^{*)} Уже въ «Нашил» Разногласіялъ я показань, до какой степени пеосновательны разсчеты, приводящіє къ выводу; у нась мало рабочихь. Но, повторяю, каково бы ин было число вък въ въстоящее время, изъ него пикакъ пельзя вывести нашего пирак на предраступки.

Скоро ин намъ удастся осуществить такой вдеаль? Не знаемь. Но то несомитино, что мы тъмъ скорте придемъ гъ его осуществленно, чтомь скорте в полите услоять наши ресолюцоверы принципы наумило соціализма.

Имибинее положене Россін какъ нельзи болье реколодіонно. Польшать усившиому дійствію реколодіонность когли бы разві липь каз крага: не совебыь еще печезнувніе старме предразсудки или влохое, узкое пониманіе необа программы. Сиранвшись съ этими грагачи, реколюціонная партіл полеть не бояться за свое будущем. Всё объективния услоїн ен усибка находитен нашию, а въ субъективном топошелін ей нужны будуть тогда только три вещи: de l'audace, encore de l'audace et toujours de l'audace.

Г. Ппехановъ.

Май 1893 года.